

Куклачев Юрий

19.2.02
192

МЯГКИЕ И ПУШИСТЫЕ ЗВЕЗДЫ

В этом необычном театре 120 артистов. Все они мягкие и пушистые. Кошек, которые, как известно, гуляют сами по себе, приручил, научил и сделал артистами Юрий Куклачев.

Уже в начале семидесятых годов Куклачев был удостоен звания лучшего кдлоуна в мире. Вот что он вспоминает об этом времени.

В Канаде с моим лауреатством в 1974 году была целая история. Мне было тогда 25 лет и приехал я туда на Всемирный цирковой фестиваль с уже сложившимся кошачьим коллективом. Правда, работал я и с другими животными, были у меня и медведи. С медведицей Машей мы и прославились в местной прессе.

Выступали мы по приглашению канадского правительства на газоне перед их Белым домом. Вдруг вижу, мой косолапый артист себя как-то беспокойно ведет, будто ищет, куда бы отойти. Понял я его нужду, подбежал с совочком и пластиковой корзинкой, где прежде был его завтрак, замел все следы, корзиночку сунул до поры под елку - и продолжи представление.

Когда отбыли номер, корзинку второпях забыли, уехали без нее в наше посольство. Но ее обнаружила служба охраны правительства, сопоставила этот факт с пребыванием здесь советских граждан, насторожилась - провокация КГБ? Сделали вокруг подозрительной упаковки ограждение - 100 на 100 метров - никого к ограждению не подпускали. Долго искали минеров - у нас эта служба как-то лучше налажена - наконец привезли и с большими предосторожностями начали операцию по обезвреживанию. Миноискатель даже в непосредственной близости от эпицентра ничего не показал, и только запах, который в двух шагах можно было распознать, подсказал - в чем дело.

Корзиночку отвезли к советскому посольству - мол, нам чужого не надо, да и вдруг содержимое представляет научный интерес - передавать из рук в руки постеснялись - тоже сунули под елку. Наша охрана, наблюдая по приборам телеметрии эти манипуляции, вспомнила недавний взрыв в представительстве Аэрофлота, подняла тревогу, предприняла аналогичные меры безопасности, подняла на ноги все соответствующие канадские службы.

Над этим инцидентом дружно потешались канадские газеты, а премьер правительства, Пьер Трюдо, по совпадению кошколюб (у него было две-три любимые кошечки), узнав, кто главный виновник происшедшего, пригласил Куклачева дать еще одно представление для канадского истеблишмента по полной программе. Резонанс средств массовой информации был оглушительный: новый друг любимца канадцев тоже стал любимцем нации. И когда жюри фестиваля определяло, кому отдать Пальмовую ветвь и 30 тысяч призовых долларов, это тоже имело значение. Но главным было то, что председатель поднял устав цирка и сказал: «Господа, о чем спорить? Здесь у нас записано, что кошки не поддаются дрессуре. Кому же отдать главный приз, как не тому, кто наглядно опроверг это положение?!»

Денег я, правда, этих так и не увидел, заставили сдать государство, но взамен выдали разрешение купить на свои деньги автомобиль (тогда их в свободной продаже не было). Еще бы, как мне объяснили, цирк, в котором я работаю, го-

сударственный, помещения, реквизит, униформа, корм для кошек - казенные. А я хотел положить призовые деньги в собственный карман!

Поэтому с началом перестройки я обрадовался возможности создать свой цирковой кооператив, чтобы хоть что-то зарабатывать и для себя. Но когда мы заключили контракт через голову государственного циркового руководства и поработали на себя, кажется, в Израиле, что позволял кооперативный устав, нас в отместку тут же исключили из системы Госцирка. В такой ситуации на постоянное место жительства за рубеж уехали Попов, Полунин. Мы же обратились в Театр эстрады, куда нас с удовольствием приняли. Да и зарабатывать мы там стали - если в Госцирке мне платили по высшей категории - 20 рублей за выступление - и еще упрекали: мол, как Никулину! то здесь я мог получить одновременно и в сто раз больше.

Но наша специфика требовала создания собственного театра. У меня уже было 120 кошек и солидный коллектив сотрудников. Мы нашли и взяли в аренду помещение, которое у нас и до сих пор, бывшего кинотеатра на Кутузовском, 25. И тут на нас «наехали». Уши торчали Госцирка. Сначала пошла газетная кампания: меня обвиняли в жестоком обращении с животными, в том, что я добиваюсь результата исключительно при помощи кнута. Это я легко опровергал перед газетчиками. Открывал перед ними вольеры, кошки выбегали и ласстились ко мне - нужно ли лучшее доказательство. У кошки - гордый характер, это не собака, раз ее ударь - она к тебе

больше не подойдет, будет прижимать уши и огрызаться, шипеть. А как заставить кошку куврыться с дрессировщиком, карабкаться вверх по длиннущему шесту, совершать головокружительные прыжки? Они могут делать это только играя, а как можно играть по принуждению?! Но не все журналисты об этом писали.

В том же доме вдруг понадобилось открыть казино - совершенно необходимое для нашего общества учреждение, - и мое помещение тоже им понадобилось. Ко мне приходили лощеные молодые люди, вежливо просили расторгнуть договор об аренде, а не то... В начале 90-х было много примеров со знакомыми режиссерами, директорами театров, которые уступали под нажимом свои права субарендаторам, тем «лисам», которых они пускали в свою «лубяную избушку». Были случаи с тяжелыми последствиями для неуступчивых хозяев. Меня предупреждали, что складывается как раз та самая ситуация, и я решил на время оставить обустройство театра, уехав на работу за границу. Без моей подписи с моим помещением все равно ничего нельзя было решить, и я принял приглашение Британского цирка.

Уезжать надо было срочно, ввозить в Англию животных без соблюдения санитарных формальностей нельзя, пришлось набирать новую «труппу» на месте. По моей просьбе отловили всех бездомных кошек в округе близ помещения, которое мне выделили для театра. Кошки были совершенно дикие, шипели, царапались, кусались и думать не хотели о дрессировке. Ба-

ламутил всех еще здоровый самец, который их считал своим гаремом. Своими воплями и агрессивным поведением он просто запугивал всех, и не только кошек. Когда его выгнали обратно на улицу, он далеко не ушел и стал нагло метить по-кошачьи доступную ему территорию цирка. Да так, что пройти по лестнице к входу невозможно было, посетители просто зажимали носы. Кроме того, он продолжал своими воплями беспокоить кошек. И только когда его депортировали за пределы Лондона, а лестницы отмыли марганцовкой и водкой, ситуация в цирке стала стабилизироваться.

Но тут всех кошек накрыла эпидемия гриппа. Они свалились все, не реагировали на еду, мы были в ужасе - могли потерять весь только что начавшийся складываться «актерский коллектив». Отпаивали их всевозможными средствами с рук, добывали дефицитные для нас препараты, и, наконец, в один из дней я впервые услышал в этом здании мурлыканье. А это означало, что кошки не только пошли на поправку, но и признали нас - мурлыканьем они выражают удовольствие!

Наш сызнова сложившийся репертуар стал пользоваться оглушительным успехом и среди консервативных англичан. Меня не отпустили на Родину и тогда, когда там ситуация на Кутузовском проспекте стала меняться к лучшему. Но я понял, что надо возвращаться, и, оставив там за себя сына Диму, поехал в Россию. Дима не подвел меня, его работа пользовалась расположением Двора, он даже узнал,

«как сладки губы королевы» - за выступление его «труппы» благодарил сама принцесса Диана.

Не хвалясь, скажу: мы откровенно к животным, скажу, что кот Жилец прожил у меня 25 лет. Многие ли ласковые хозяева могут похвастаться таким долголетием своих питомцев?! Мои кошки выжили и после онкологических операций, а здесь ни один ветеринар не даст гарантии. А вот общепринятой операции по стерилизации я стараюсь избегать. Конечно, при этом остаются лишние проблемы, особенно с кошками, в период гона, но пусть живут они по законам природы, в этом условии нормального, в том числе и их психического, здоровья. А значит - и «творческих успехов».

Я пришел к такому выводу, когда было отправлено стерилизовать своего излишне бойкого питомца Бориса. Когда в приемной ветлечебницы прозвучало: «Куклачев, на кастрацию!» - я вздрогнул и бросился с Борисом на руках к выходу. «Не пожелай коту своему, чего себе не желаешь».

Мой Театр кошек - частное предприятие. Я взял на свои плечи бремя забот о 120 кошках, об их дрессировке - а на этот процесс уходит 5 - 7 лет, о функционировании театра вообще, о гастролях, транспортировке четвероногих артистов и их объемного реквизита. Поэтому мы тратим время на участие в рекламе кошачьего корма, сами продаем написанные мной книжки о моих артистах, фотографируемся за деньги со зрителями. Выкручиваемся, существует наш семейный театр, в котором работает и моя жена Елена, и сын Дима, который, как и я, закончил Цирковое училище и учится в том же ГИТИСе, и дочь - художница Катя, которая помогает в оформлении спектаклей. Один лишь сын Володя не занят в этом «семейном бизнесе» - он танцует в Большом театре.

Все же хотелось внимания и со стороны государства к уникальному театру, подобного которому нет нигде в мире. Я думаю, это уже и национальное достояние.

Николай АДАМОВ

Журнал 13-2002-19 февр.-с.8